

УДК 130.2

В.Л. СОЛОВЬЁВ И РОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Крохина Н.П.

*ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал, Шуя,
e-mail: nadin.kro@mail.ru*

Утверждается, что становление русской герменевтики неотделимо от осмысления феномена русской литературы религиозно-философской мыслью Серебряного века, а привычное именование нового типа творческого анализа текста философской, или религиозно- философской критикой, восходящее к работам Вл.Соловьёва, требует своего уточнения и переосмысления. Утверждается органичность герменевтического подхода к русской литературе русских религиозных мыслителей Серебряного века, поскольку русская литература воплощает тип литературы как сакральной ценности, а герменевтический дискурс востребован там, где даётся интерпретация текстов – почти священных, когда раскрываются метафизические основы художественного творчества и его духовные основания. Рождение русской герменевтики связывается прежде всего с работами Вл. Соловьёва. Автор полемизирует с проектом «Русская герменевтика» Н.К. Бонецкой, в частности, в оценке работ Вл. Соловьёва. Раскрывается герменевтический потенциал работ Вл. Соловьёва о великих русских поэтах. Делается вывод об органичности онтологического понимания искусства для соловьевского утверждения живого и действенного христианства; об органической линии преемственности от Пушкина к Достоевскому, творчеству самого Соловьёва, поэтов-символистов и религиозно-философской мысли Серебряного века.

Ключевые слова: русская герменевтика, литература как сакральная ценность, пророческий пафос, «новое и вечное, живое христианство», теология искусства

V.L. SOLOVYOV AND THE BIRTH OF RUSSIAN HERMENEUTICS

Krohina N.P.

Ivanovo State University, Shuya branch of ISU, Shuya, e-mail: nadin.kro@mail.ru

It is argued that the establishment of Russian hermeneutics is inseparable from the understanding of the phenomenon of Russian literature of religious and philosophical thought of the Silver Age, as usual naming of a new type of creative analysis of the text of philosophical, religious or philosophical criticism, which goes back to work V.L.Solovyova requires its refinement and rethinking. Allegedly the organic hermeneutic approach to the Russian literature, Russian religious thinkers of the Silver Age, as Russian literature embodies the type of literature as a sacred value, and hermeneutical discourse demand where is given the interpretation of texts – almost sacred, as disclosed metaphysical foundations of art and its spiritual foundations. Birth of Russian hermeneutics associated primarily with the work V.L.Solovyova. The author argues against the project «Russian hermeneutics» N.K. Bonetskoy, in particular, in assessing the work V.L. Solovyeva. It expands the potential hermeneutical V.L.Solovyova works of the great Russian poet. The conclusion of the organic quality of the ontological understanding of art for approval Solovyov living and effective Christianity; an organic line of succession from Pushkin to Dostoevsky, Solovyov of creativity, the Symbolist poets and religious philosophy of the Silver Age.

Keywords: Russian hermeneutics, literature as a sacred value, prophetic pathos, «the new and eternal, living Christianity» theology of art

Одна из проблем осмысления феномена русской религиозной философии Серебряного века – это проблема её преемственной связи с русской литературой XIX века. По слову Ф.А. Степуна, она явилась «продолжением» великой русской литературы XIX века. Мир образов литературы философия претворила в понятийно-дискурсивные разработки, сохранившие связь с художественным мышлением. Философии всеединства предшествует поэтика всеединства, софиологии – софийные образы русской классики, экзистенциальной проблематике – экзистенциальные мотивы русской литературы. Потому такое важное место в теоретическом наследии русских мыслителей занимают работы, посвящённые русской классике, по методу своему работы герменевтические. Становление русской герменевтики неотделимо от осмысления феномена русской литературы религиозно-

философской мыслью Серебряного века. Ещё недавно привычное именование нового типа творческого анализа текста философской, или религиозно-философской критикой, восходящее к работам Вл. Соловьёва [9, с. 530], требует своего уточнения и переосмысления.

Проект «Русская герменевтика» разрабатывается в настоящее время на страницах журнала «Вопросы философии» Н.К. Бонецкая: «Религиозные философы Серебряного века создали совершенно новое направление в науке о литературе, а именно: герменевтическое» [5, с. 86]. Н.К. Бонецкая совершенно справедливо доказывает, что наше привычное именование экскурсов философов Серебряного века в сферу художественного слова литературной или философской критикой – недостаточно и приблизительно. У критики и герменевтики – разные задачи. Она ссылается на ещё

давнее суждение К.Г.Исупова: «Обращение к классике происходило в форме...почти сакрализации...классического текста» [7], что является свойством не критического, а герменевтического восприятия текста. Критика оценивает литературные явления, герменевтический дискурс востребован там, где даётся интерпретация текстов – почти священных, благоговейное толкование текста. Под пером Д.С. Мережковского создавался «новый канон священных книг», куда входили Толстой и Достоевский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Русские писатели именовались, начиная с работ Вл. Соловьёва, пророками, тайновидцами, вестниками. «Мыслители Серебряного века почти открыто уравнивали слово художественное – и священное» [5, с. 85]. Другими словами, раскрывали духовный, метафизический смысл художественного творчества. Из этого посыла возможны разные интерпретации русской классики, воплощающей тип литературы как сакральной ценности, как хранительницы высших смыслов отечественной культуры, и прежде всего обращение к её христианской основе, возросшей на почве православной святости. Архетип русской литературы – «священнодействующая литература», литература великих идеалов и больших идей, пафос совершенствования себя и мира. «У Пушкина – библейский масштаб действительности...Его язык совпадает с сущностью вещей» [10, с. 85]. Или у В.К. Кантора: «Литература замещает церковь...Её дело – духовное собирание человека» [8, с. 13, 15]. «Духовное странствование есть в Лермонтове, в Гоголе, есть в Л. Толстом и Достоевском» [2, с. 30], потому русские писатели «переходили пределы литературы» и «искали преображения жизни» [3, с. 113]. Это раскрытие духовных оснований русской литературы прежде всего восходит к работам Вл. Соловьёва.

Но пафос Н.К. Бонеевой иной, ставящий под большое сомнение феномен русской герменевтики. Русскую герменевтику исследовательница называет «плодом нового религиозного сознания», она «возвещает новую апокалиптическую веру»: «Приняв вызов Ницше, авторы книг начала 1900-х гг. о Толстом и Достоевском провозглашают новые религиозные ценности, усматривая именно в художественной литературе их зарождение» [5, с. 86]. И ценность русской герменевтики с её религиозным модернизмом – «со всеми её соблазнами, с подводными камнями, во всей её зыбкости, ненадёжности» [4, с. 92] оказывается под большим сомнением. Достоевский как главный «учитель и пророк» для деятелей Серебряного века превращается в «пророка православно-

церковной реформации», «предтечу двусмысленного нового религиозного сознания» [4, с. 96,92]. Глубоко критична позиция исследовательницы к Вл. Соловьёву, относимого к «предтечам русской герменевтики»: «Мы говорим о герменевтической неудаче Соловьёва: интерпретация чужих текстов вряд ли относится к сильным сторонам его дарования...Только последователи Соловьёва начали воспринимать художественные и философские тексты с интуитивной проникновенностью». Его же стихии – метафизика и мораль. «Он создал монументальные метафизические портреты великих поэтов и произвёл над ними нравственный суд». В Трёх речах в память Достоевского «Соловьёв развил собственную софийную идею». Эти «Речи», «давшие толчок герменевтике», к ней как искусству интерпретации текстов «всё же не принадлежат» [4, с. 93-94].

Мне же представляется, что Вл. Соловьёва с полным правом можно называть основателем русской герменевтики, а не философской критики, как заявлено в предисловии к его эстетическим работам [9, с. 28]. Задачей была не оценка, а раскрытие духовного, метафизического смысла художественного творчества. То, о чём будут писать Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, И.А. Ильин, впервые выражено в работах Вл. Соловьёва. Как писал И. Ильин, «гениальность имеет дело с ... восхождением к Божественному», «великий художник...видит сущность всего», он «поистине провидец» [6, с. 259, 308]. Об этой метафизической сущности художественного творчества начал размышлять Вл.Соловьёв в своих эстетических работах.

В своих статьях о великих русских поэтах Соловьёв размышляет о сущности поэзии и художественного творчества. Именно в поэзии Соловьёв видит воплощение искомого им всеединства и целого, «высшего смысла жизни», «смысла вселенной» [9, с. 472, 494]. Размышление о поэзии обращает к сущности мировой жизни и мировой души. Он вскрывает символизм искусства: «Частные явления суть знаки общей сущности. Поэт умеет читать эти знаки и понимать их смысл» [9, с. 477]. Истинный источник поэзии, как и всякого искусства (а поэзия для Соловьёва – «высший род искусства»), не во внешних явлениях и не в субъективном уме художника, а в «самобытном мире вечных идей, или первообразов» [9, с. 533, 491]. А подлинный художник – «посредник между миром вечных идей, или первообразов, и миром вещественных явлений». Художественное творчество, «упраздняя противоречие между идеальным и чувственным, между

духом и вещью, есть земное подобие творчества божественного» [9, с. 492], т.е. оно софийно, о чём будут писать и размышлять и С.Н. Булгаков, и о. П. Флоренский. Таким образом, поэт даёт выражение «старому, но вечно-истинному платоническо-христианскому мирозерцанию» [9, с. 505]. Говоря о преображающей силе искусства, Соловьёв, вслед за Достоевским «верил и проповедовал христианство живое и деятельное, вселенскую церковь, всемирное православное дело», требующее от поэта «духовного подвига» [9, с. 243, 478]. Истинные поэты для Соловьёва всегда были пророками установления истинно любовного отношения человека к миру, широкого духа всечеловечности [9, с. 160, 526]. Отвергая ходячую гегелевскую схему о лирике как «поэзии субъективности», Соловьёв утверждает онтологизм поэзии, «предваряющей полное созвучие внутреннего с внешним, предвсущающей в минуту вдохновения всю силу и полноту истинной жизни». Внутренняя красота души человеческой состоит « в её созвучии с объективным смыслом вселенной, в её способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни». Поэт черпает своё вдохновение «из вековой глубины бытия» [9, с. 399, 401, 402, 405]. «Заветная глубина душевного мира так же реальна и так же всеобъемлюща, как и мир внешний; поэт видит здесь «два равноправные бытия», в чём проявляется диалогизм лирики: «И как в росинке чуть заметной / Весь солнца лик ты узнаёшь, / Так слитно в глубине заветной / Всё мирозданье ты найдёшь» (А. Фет) [9, с. 405]. Таким образом, подлинная поэзия обращает к внутреннему духовному миру, который созвучен вселенной. А поэт – провидец абсолютной правды всего существующего, в единичном чувствуя все силы бытия, видя абсолютное в индивидуальном. И сила любви, и красота природы говорят поэту «нездешние речи», над которыми бессильны время и смерть, а поэзия становится для Соловьёва «гораздо лучшим подтверждением некоторых мистических истин, нежели всевозможные школьные доказательства» [9, с. 418]. Потому Соловьёву была так важна собственная поэзия, являющая способность «ко второму зренью», «женственную тень Божества» [9, с. 388, 521] и тот абсолютный смысл любви, о котором он размышлял. Создатели русской герменевтики увидели в русской литературе специфические черты отечественного философствования – онтологизм и панэстетизм: энергичное присутствие Бога в тварном космосе делает последний сопричастным божественной красоте.

В красоте природы, в любви и созданиях искусства даётся преображение мира.

В русской поэзии Соловьёв видит «живую цельность» поэзии Пушкина, Баратынский и Лермонтов – «поэты разочарования», Фет, Тютчев, А.К. Толстой – «поэты гармонической мысли» [9, с. 486-489]. Тютчев как подлинный символист, как творец мифопоэзии «был убеждён в объективной истине поэтического воззрения на природу» [9, с. 468]. Фет воссоздаёт искомое созвучие внутреннего с внешним, душевный и природный мир как «два равноправные бытия», видит абсолютное в индивидуальном. А.К. Толстой даёт «ясные и стройные выражения старому, но вечно-истинному платоническо-христианскому мирозерцанию» [9, с. 505]. «Идеальный образ истинного поэта в его сущности и высшем призвании» даёт пушкинское стихотворение «Пророк» [9, с. 342], которому Соловьёв посвящает большую статью «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», являющуюся примером герменевтического анализа текста. По форме мы имеем дело с «безукоризненным подражанием Библии»: Библии принадлежит «общий тон стихотворения, невозмутимо величавый, что-то недостижимое возвышенное». Но «библейская форма» сочетается с иным содержанием, дающим читателю «идеальный образ истинного поэта в его сущности и высшем призвании» [9, с. 338, 342]. Стихотворение, созданное в эпоху «перелома» в судьбе Пушкина, обращает к «мукам нового рождения» [9, с. 343, 351]: «сущность призвания поэтического сближается и сливается с чистой сущностью призвания пророческого». Высшее созерцание – одна грань этого высшего призвания. Поэт «прозрел, чтобы видеть красоту мироздания». Но «высшей ступенью пророческого, т.е. идеально-поэтического служения» является «действие и подвиг»: «Не язвить зло, а спалить его – вот окончательная задача избранника, «перейти к совершенному действию» [9, с. 353-356]. Такое понимание действия слова органично для христианской традиции, того живого и действенного христианства, которое утверждал Соловьёв. Оно неотделимо от библейского единства имени, слова и сущности вещей, ведомого истинному поэту, от мистериального и апокалиптического утверждения поэта как борца со злом (в поэзии самого Соловьёва – «Три подвига»). В творчестве Пушкина Соловьёв видел не только «разлад между творческими и житейскими мотивами», но и «духовный образ поэта в его зрелые годы» [9, с. 281, 298]. Так протягивается прямая линия преемственности от Пушкина, создавшего высший образ

поэта-пророка, к Достоевскому, который являлся в глазах Соловьёва «духовным вождём и пророком» [9, с. 224] к творчеству самого Соловьёва, поставившего перед искусством задачу быть «реальной силой, просветляющей и перерождающей весь человеческий мир» [9, с. 231] и его продолжателей, устремлённых к действию и подвигу (Д.С. Мережковский, А. Блок) и увидевших в русской литературе духовное странничество и превышение пределов литературы, о чём писали и В. Розанов, и Н.А. Бердяев.

Тема «России пророческой» – одна из сквозных тем военно-революционной публицистики Н.А. Бердяева. Болезни русского духа, «душа русского человека, душа целого народа нашли себе выражение в великой русской литературе у Пушкина и Гоголя, у Толстого и Достоевского» [2, с. 557], породив её пророческий пафос, ибо «в духовной действительности события разыгрываются раньше, чем во внешней исторической действительности» [2, с. 808]. Образ «России пророческой» является вместо традиционного образа «святой Руси» как «хранительницы религиозной святости» [2, с. 38]. В русской литературе с её пророческим пафосом и духовным исканием русские мыслители провидели эпоху «христианского возрождения», религиозного движения, в котором явлено будет «новое и вечное, живое христианство» [1, с.171], которое они и называли (начиная с Соловьёва) «новым религиозным сознанием», отвечающим новому историческому возрасту человека. «Россия пророческая» для Бердяева – это и великая русская литература Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого, «связанная с великим русским государством» и «царственным» русским языком [2, с. 765]. Это и «пророческий дух» «оригинального и творческого движения религиозной мысли», страстного религиозного искания Чаадаева, славянофилов, Достоевского, К. Леонтьева, Вл. Соловьёва, новейшего религиозно-философского течения: «Какое богатство религиозной мысли, какая глубина в постановке религиозных тем, какая напряжённая духовная жажда». Русская религиозная мысль «многое предчувствовала, предвидела и предсказала» [2, с. 844]. Оригинальные идеи этого движения, «пророческие предчувствия новой духовной эпохи в христианстве» [2, с. 845] являются для мыслителя залогом веры в ду-

ховное возрождение России: «Творческое религиозное движение ещё впереди» [2, с. 724]. «Россия прежде всего духовное понятие... Быть может, она должна была умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни» [2, с. 766-767], «апокалиптичность предполагает катастрофический отрыв» [2, с. 294]. Тем самым ставилась проблема создания духовной истории русской литературы, в преддверии решения этой задачи и пребывает современная герменевтическая методология. В частности, М. Эпштейн ставит вопрос о «теологии искусства»: «у светского искусства есть своя теология, способная выражать новые идеи и духовные прозрения... В XX веке возникло множество теологий, не вписывающихся в конфессиональные рамки: теология надежды, теология освобождения, теология процесса, теология «смерти Бога», теология Третьего Завета (Святого Духа), софиология, теология творчества, теология богоискательства, теология науки и техники, экзистенциальная теология и другие. Они расширяют область духовных исканий и соединяют самые разные аспекты современной цивилизации с религиозным самосознанием человечества» [11, с. 230-231]. Этого соединения искали и русская литература, и русские мыслители, создававшие русскую герменевтику, которая раскрывала метафизические смыслы художественного творчества.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М., 2001.
2. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С.43-271.
4. Бонеецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. – 2014. – №4. – С.90-98.
5. Бонеецкая Н.К. У истоков русской герменевтики // Вопросы философии. – 2014. – №1. – С.83-91.
6. Ильин И.А. Гении России // Ильин И.А. Собр.соч.: В 10 т. Т.6. Кн.3. – М., 1997.
7. Исупов К.Г. Романтик свободы // Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993. – С.7-22.
8. Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. – М., 2005. – 768 с.
9. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. 701 с.
10. Шишкин А. Феномен «светской святости» в русской литературе XIX века // Москва. – 2013. – №9. – С.168-180.
11. Эпштейн М. Богословие в красках // Звезда. – 2015. – № 3. – С.221-231.